

Кузбасс

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Газета основана
в январе 1923 года.
№ 223 (16854).

ПЯТНИЦА,
28
СЕНТЯБРЯ
1979 года.
Цена 2 коп.

В НОМЕРЕ

- Пятилетний план производства и продажи овощей и картофеля — досрочно 1 стр.
- Задачи и проблемы городской службы быта. 2 стр.
- Рассказ Петра Шмакова. 4 стр.

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА КПСС И ОБЛАСТНОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ПЕРЕД оном рос тополь. Сверху упала стайка воробьев, тополь вздрогнул, как от озноба. В глазах зарыбило, и от этой рыбины Резников сразу вспомнил, как совсем недавно в его квартире было шумно и суетно. С поздравлениями приходили друзья, родственники и просто знакомые и даже незнакомые. Беспрепятственно звонил телефон, приносили поздравительные телеграммы. Все это было по случаю присвоения Федору Ивановичу Резникову, бригадир очитной бригады, звания Героя Социалистического Труда.

Резников был ошеломлен и взволнован неожиданным положением. Но вскоре понял: раньше ему жилось проще. Теперь уже прошло несколько месяцев, а он не может обитать среди ребят на участке, не знает, как вести себя перед начальством, с мыслями своими не может справиться. А они лезут в голову назойливо, не прошенно. То думалось, что он не достоин такой награды, а то наоборот: только благодаря его стараниям бригада стала знаменитой. Да что говорить о бригаде! Вся шахта узнала страна.

А в самом деле, сколько он затратил сил, чтобы сколотить боевую, крепкую бригаду! Да и самому пришлось нелегко. Вечерами ходил в горный техникум. В другой раз на работе наломается, ослышит свет не мил, а идти на завалин надо. Окончил техникум, а каждому ли понятно, что это значит? Нет, не каждому. Больше складны к тому, что он играючи достиг всего.

Резников вышел на улицу. Солнце уже поднялось над городом, парк сливается березами. Оголенные, с коричневыми развесистыми ветвями, серостебельные, они крепко стояли на земле и тем самым внушали к себе большее доверие. Резников хорошо знает парк: здесь он играл парнем, здесь он с друзьями готовился к экзаменам, здесь до ухода в армию подружился с голубоглазой девушкой, с ней ходил на танцплощадку.

Резников выскользнул спиной к столбу березы. Смотрит снизу на синие развилки меж деревьев, на

штришки белесоватых облачков. Ветки берез на фоне неба кажутся таинственными чертежами. Резников закрыл глаза. В таком покое всегда хорошо думается. Думает и Резников.

Странно получается: не был я, Резников, героем, и на душе было ровно и безмятежно. Все сунули, что я знаток горячего дела до тонкостей, и никто не лез ко мне с

наставника. Это был опытный бригадир и душевный человек. Помнится, как к нему в бригаду первый раз пришел Федор. Сидорин остался с ним один на один и тихо, но твердо сказал:

— На берегу договоримся: шахта не терпит ни ленивых, ни трусливых...

Вспомнил Федор слова бригадира уже на третий день пребы-

а там не понравится, уйдешь на третьем... Глядишь, и в лету не трудно превратиться. А в жизни надо идти прямо, иначе потеряешь цельность. А в тебе я вижу завяску нашу, шахтерскую. И первая овлошность — это не страх, а просто от незнания. Так-то, молодой человек. Пошли, объясню что к чему.

И вот уже прошло восемь лет, как проходили на пенсию Михаила Сергеевича, а кажется, минула целая вечность. А ведь это Сидорин давал ему рекомендацию в партию, и это он на партийном собрании сказал о Федоре: «Надеюсь на него, как на самого себя. Завяски он нашей, шахтерской...».

Резников вскрыл письмо не без волнения. Что мог написать ему старый шахтер, что пожелать...

«Пользуясь случаем, пишу тебе, Федор, письмо, может быть, не совсем обычное. Немного оно и странным покажется. Да знаешь, на старости лет, оказывается, мы бываем словоохотливыми. Рад за тебя. Безмерно рад. Я ведь первый разглядел в тебе нашу завяску, шахтерскую. И теперь горжусь, что не ошибаюсь. Да вот хочется и пофилософствовать малость. Звание, каким тебя облекли, обязывает многому. После этого остается прежним очень трудно. Славу надо использовать разумно. Мне до сих пор помнится Тудергешев. Помнишь ли ты его?»

Ну, как же не помнить замечательного когда-то Тудергешева? Про него говорили, что он создал свою школу. Так и выражались: такой-то прошел тудергешевскую школу. Лучшей оценки среди горняков не было. Его опыт изучали все шахтеры Кузбасса. О нем много писали. Потом он стал сдавать свои позиции. И не хуже стал работать, а слава вкружила голову. Вовремя не одернули: мол, крупная фигура, ему все разрешается. Слава шахты. Чем дальше, тем больше. Он ни с кем не стал считаться, никого не стал признавать. На партийное собрание участия даже не явился, когда узнал, что будут слушать его. А через несколько дней ушел, не дождав-

шись окончания, с общего шахтерского собрания и подал заявление на расчет. Демонстративно уводился с шахты.

Трудно приходил Тудергешев к истине, к своей правде и к правде всего участка. Вернулся на шахту и попросил ребят из бригады оставить его горнорабочим. Большую вторую победу он одержал. Победу над собой. Об этом подробно писала областная газета.

Резников снова начал читать письмо:

«Я сейчас на Украине. Край благодатный. Люди сердечные. Да люди везде хорошие. А в нашем крае, Кузбассе, они особенно добрые. Но тоска постоянно не покидает меня по родному городу нашему, городку шахтерскому. Так и хочется собраться вместе, да побаловаться шивком в «голубом Дунае» (стоит ли он на прежнем месте?), отвести душу в разговоре. Да вот идти вникуда не годится. Подводит. А все остальное в порядке. Сдюжить? Мы шахтеры...»

Теперь о деле, ради чего я пишу тебе. Главная просьба такова: пришли мне кусочек угля с нашего участка. Так хочется вдохнуть родной земли запах и родного уголька. А тебе желаю, Федя, с ребятами держаться ровнее, не терять с ними контакта. Они не подведут, они поддержат...»

Резников встал, заходил по комнате. Письмо растрогало, обеспокоило. И хотя старый шахтер прямо ни о чем не говорил Резникову в своем письме, но он услышал «строгое» предупреждение бывшего наставника. Но почему бывшего? Он ни остается и по сей день.

Резников положил письмо на стол, снова опустился в кресло. На колени прыгнул вот, доверчиво замурлыкал. Подлаживая кота, Федор вслух сказал:

— Понимаю и тебя, дорогой Михаил Сергеевич. Ох, как понимаю! Хитер же ты. По кусочку уголька сосучишься. Пришло я тебе кусочек. Не меньше килограмма. И, конечно же, с нашего участка.

Кот добродушным мурлыканьем подкреплял реченье хозяина...

Г. Сидоркин-Кузнецкий.

П. Шмаков

ПОДАРОК

рассказ

советами. Теперь каждый хочет быть учителем, сделать одоленные старается. Вот хотя бы этот Семен Климов. Без году неделя в бригаде, а все старается со своими рекомендациями, да поучениями. Подумавшись, избрали его в народный контроль. Щипца на ровном месте...

Домой Резников вернулся запозднее. Усталый, но успокоенный, он тихо бред по улицам, а в глазах стояли огромные березы. В почтовом ящике достал журнал «Знамя», газеты и письмо. Письмо было увестное и прищипало аналочтой. Взглянул на обратный адрес: знакомая фамилия. Он вспомнил Михаила Сергеевича Сидорина. Не вскрывая конверта, глядел на крупный, выцветший почерк своего первого учителя и

вания под землей. Его сбила в тот раз воздушная волна — где-то ударила головой о стойку. Зашумело, загудело все в нем от боли и испуга. Свалился тут же, а как опомнился, не понимая что случилось, нингула бежать. Только позднее понял: страх владел им. Значит, из него не получится настоящего горняка. И надо уходить из этого чертова ада как можно быстрее. Да и Михаила Сергеевича теперь стыдно встречать. Воль он как в воду глядел, когда говорил о шахте. И ушел бы он из шахты, если бы не Михаил Сергеевич. Отплыл он его, положил руку на плечо и заговорил:

— Если ты после армии сразу пошел в шахту, значит она тебе по душе. Я так понимаю. Допустим, ты уйдешь на другое место,

// Кузбасс, 1979, 28 сентября, с. 4.